

УДК 94(470)

Н.Н. Аблажей

Рецензия: Башкуев В.И. «ЛИТОВСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ (1948–1960 гг.)» (Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 298 с.)

Монография посвящена комплексу вопросов, непосредственно связанных с историей самой крупной этнической депортации из Литвы, проведенной в республике 22–23 мая 1948 г. В российской историографии эта депортация больше известна как спецоперация МГБ СССР и МГБ Литовской ССР, проведенная под кодовым названием «Весна». Литовские историки обычно называют ее «Большая ссылка». Данная депортация была самой масштабной, но далеко не единственной в череде послевоенных высылки из Литвы и Прибалтики в 1945–1952 гг. Сопоставляя данные российских и литовских исследователей о масштабах послевоенных репрессий, В.И. Башкуев справедливо отмечает, что приводимые в современной литовской и российской историографии данные статистики депортаций соотносимы и это обстоятельство скорее сближает российскую и балтийскую точки зрения на масштабы принудительных переселений. Остроту научной риторики вокруг депортаций определяют в значительной степени несовпадающие оценки событий, связанных с аннексией Советским Союзом прибалтийских государств и последующей их советизацией, сложившиеся в России и Литве. Автор совершенно справедливо заключает, что массовые депортации сельского населения из Литвы были направлены на противодействие национальному повстанческому движению и сокращение его социальной базы путем ликвидации фермерства, а также на подготовку к коллективизации литовской деревни. Зачастую депортации, проводимые в отдельных районах Литвы, являлись ответным шагом властей на успешно проведенные партизанские операции, и совершенно оправданно поэтому расценивать их как карательные.

За последние 20 лет в Литве благодаря повышенному интересу к теме сопротивления и репрессий, полной доступности секретного делопроизводства высших государственных и партийных структур Литовской ССР и всего комплекса делопроизводства КГБ и МВД было опубликовано значительное количество исторических исследований, сборников документов и воспоминаний,

проведено несколько научных конференций, сформированы книги памяти и мартирологи жертв политических репрессий и крупные мемориальные коллекции, затрагивающие тему депортаций и их последствия. Но, к сожалению, по объективным причинам, прежде всего из-за незнания языка, использование в полном объеме литовской историографии и уникального комплекса источников осложнено как для российских, так и для западных исследователей. В рецензируемой монографии историографическому анализу также оказались подвергнуты только работы ранней эмигрантской историографии и немногочисленные англоязычные публикации литовских исследователей в западных журналах в 1990-х – начале 2000-х гг.

В.А. Башкуеву удалось всесторонне и многопланово показать историю литовской ссылки в Сибирь на примере почти четырехтысячного контингента литовцев, оказавшихся в июне 1948 г. в Бурят-Монголии. Монография тематически выстроена по традиционной для российских исследований схеме, включающей описание депортационной операции с акцентом на размещение и трудоустройство спецконтингента, анализ режима спецпоселения и процесса адаптации перемещенного населения к новым условиям жизни.

Само исследование во многом стало возможным благодаря доступности документов Отдела спецпоселений МВД БМАССР, сохранившихся в спецфонде Информационного центра МВД Республики Бурятия. И эту уникальную возможность работы с ведомственным региональным делопроизводством МВД автор использовал в полной мере. В республиканском архиве МВД отложился уникальный комплекс источников, включая текущее делопроизводство как Отдела спецпоселений, так и, фрагментарно, отдельных районных спецкомендатур. Кроме того, автору удалось ознакомиться с обширной мемуарной литературой литовских спецпоселенцев и самому собрать значительный массив интервью с литовцами, которые остались в Бурятии после реабилитации.

Майская депортация 1948 г. из Литвы проводилась на основании Постановления Совета министров СССР «О выселении с территории Литов-

ской ССР на спецпоселение семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, а также пособников бандитов, кулаков и их семей» от 21 января 1948 г. № 417-160 сс и аналогичного решения Совета министров ЛССР и ЦК ЛКП(б) от 18 мая 1948 г. Высылка затронула 39 уездов Литвы, из которых за два дня операции было выселено 11 345 семей (или 39 766 чел.). Литовцы, высланные в 1948 г., были распределены по территории Красноярского края, Иркутской области и Бурятии. Послевоенная спецпереселенческая статистика традиционно объединяла высланных из Литвы в сентябре 1947 г. и в мае 1948 г., однако весь контингент, прибывший в Бурят-Монголию, был выселен именно в рамках операции «Весна».

Препроводительная документация начальников трех эшелонов, следовавших в Бурятию, оказавшаяся доступной исследователю, позволила судить о маршруте движения, режиме конвоирования и особенностях транспортировки переселенцев на всем пути следования в ссылку – с 23 мая по 10 июня. Видимо, потому, что был доступен обширный комплекс документов о транспортировке и приеме, отложившийся в региональном отделе спецпоселений, автор не использовал материалы Отдела спецпоселений МВД СССР, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, включая документацию о формировании и движении эшелонов, предназначенных в том числе для Бурятии.

На основании информации о местах формирования эшелонов, прибывших в республику, анализа поэшелонной статистики (в данном случае – повагонных списков) и личных карточек спецпоселенцев В.А. Башкуеву удалось установить, что все прибывшие были уроженцами четырех уездов Литвы – Паневежского, Плунгенского, Пасвальского и Шауляйского. Поэшелонная статистика позволила установить точное число высланных, в том числе отдельно мужчин, женщин и детей. Несмотря на то, что по этническому составу поток 1948 г. был в основном литовским, среди высланных встречались этнические поляки, латыши и русские, и этот вопрос также нуждался в уточнении в ходе исследования.

В российской историографии мы имеем несколько примеров, наглядно демонстрирующих, как поэшелонная статистика дает исследователям значительные возможности по уточнению количества высланных и географии выселения, по анализу состава и половозрастных характеристик депортированных семей, описанию политического, социального или этносоциального «окраса» выси-

лаемых. Но, к сожалению, весь массив личноручетных дел на литовских выселенцев и, скорее всего, подробные поэшелонные списки оказались недоступными для бурятского исследователя, поскольку были переданы на архивное хранение в МВД Литовской ССР. Это обстоятельство, а также ограничения российского законодательства в отношении использования персональных дел не позволили автору монографии привлечь эти источники как массовые.

Благодаря документации отдела МВД Заиграевского района, принявшего литовский спецконтингент, автору удалось восстановить порядок приема и перевозки людей в места вселения и прикрепления к спецкомендатурам, входивших в состав треста «Бурмонголлес» (весь литовский контингент использовался исключительно в лесопромышленном комплексе), в том числе описать не только планировавшуюся, но и реальную структуру расселения литовцев. Однако география расселения и происходившие в ней изменения, вызванные передислокацией части спецконтингента, оказались «размыты» по тексту книги, а частью представлены только в Приложении. Между тем читателям было бы интересно получить развернутое представление хотя бы о четырех компактно заселенных литовцами населенных пунктах (с. Илька, пос. Верхняя Аракорка, лесоучастки Мойгото и Челан), где оказалась сосредоточена треть всего контингента. Автор сам подчеркивает, что на территории Бурятии еще в конце апреля, накануне прибытия литовского контингента, были образованы две спецкомендатуры – Илькинская и Верхне-Талецкая, а Хандагайская и созданная для приема «власовцев» Челутаевская были доукомплектованы сотрудниками МВД, что, безусловно, свидетельствует о компактном расселении литовцев. Спустя 2,5 года после прибытия литовцы оказались рассредоточены по 26 населенным пунктам и лесоучасткам трех спецкомендатур Заиграевского района, девяти поселениям одной из спецкомендатур Хоринского района и пяти предприятиям городской спецкомендатуры Улан-Удэ.

На богатой документальной базе автору удалось детально осветить региональные аспекты истории литовской ссылки и повседневную жизнь в спецпоселении. Описывая трудоустройство ссыльных и условия их быта, В.И. Башкуев детально анализирует первые годы, проведенные на спецпоселении, убедительно доказывая, что именно они были критическими. Через анализ спецпереселенческой статистики за 1948–1954 гг., в первую очередь поквартальных отчетов о наличии, движении, динамике заболеваемости и смертности

спецпоселенцев, удалось изучить демографическую ситуацию на спецпоселении. Анализ динамики рождаемости и смертности показал повышенную смертность в младших и старших возрастных группах, резкое сокращение рождаемости, рост заболеваемости, в том числе эпидемической, увеличение числа нетрудоспособных именно в первые два года ссылки. Крайне интересным могло бы стать подтверждение на материалах Бурятии тезиса В.Н. Земскова (который приведен Башкуевым) о более чем шестикратной разнице между смертностью и рождаемостью у литовцев в первые годы жизни в спецпоселках. Крайне важны выводы автора о том, что масштабы детской смертности в первые два года у литовцев были самыми высокими среди всех категорий спецконтингента и почти в 6 раз превышали уровень смертности титульного населения в самых неблагоприятных по эпидемиологической и санитарной обстановке регионах Бурятии. Приведенная статистика о том, что почти каждая десятая семья не имела в своем составе трудоспособных, равно как и динамика числа престарелых, свидетельствует об особенностях половозрастного состава «контингента». Несмотря на то, что начало ссылки пришлось на голодные 1948–1949 гг., продовольственную ситуацию среди литовцев в первые месяцы существенно смягчило то обстоятельство, что высланные смогли привезти с собой значительные запасы продовольствия.

Автор проводит детальный анализ режима спецпоселения, организации учета и надзора за спецпоселенцами. Хотя исследователю не удалось ознакомиться с массивом личных дел спецпоселенцев, что позволило бы детальнее изучить основания к административной ссылке и ее сроках, тем не менее, основываясь на информации МВД Бурятии, он утверждает, что в 1949 г. всего на 800 семей спецпоселенцев из 1 160 числившихся в учетной документации имелись выписки из протоколов заседаний Особого совещания при МГБ СССР, по которым, собственно, и проводилось выселение. В отношении большинства высланных в июньскую операцию 1948 г. решение о ссылке сроком на 10 лет было принято еще в феврале 1948 г. Особым совещанием МГБ СССР, скорее всего, в «альбомном порядке». Учетные дела на будущих ссылных формировались на местах уездными отделами УМГБ ЛССР и утверждались в МГБ ЛССР, что лишней раз подтверждает тезис о массовом и списочном характере депортации; далее учетное делопроизводство велось уже органами МВД принимающего региона. Широкое распространение получила практика, когда учетное

делопроизводство на момент прибытия спецконтингента практически отсутствовало, и его целиком приходилось формировать уже на местах.

Характеризуя режим спецпоселения и его ужесточение в 1948–1949 гг., Башкуев совершенно справедливо отмечает тот факт, что на высланных в мае 1948 г. литовцев не распространялся ноябрьский указ 1948 г. о побегах, а незаконные отлучки и побеги регламентировались январским 1945 г. постановлением СНК СССР, что предполагало не 20 лет каторги, а лишь административную ответственность. Случаи уголовного преследования если и были, то обычно они заканчивались условным наказанием. Однако в начале 1950-х гг. МВД СССР подтвердил, что все литовцы, депортированные в 1945–1952 гг. как кулаки или члены семей националистов, высланы не на определенный срок, а навечно. Хотя возвращение в Литву началось еще в 1953 г., МВД СССР предписал оставить литовский контингент на спецпоселении еще на пять лет. Таким образом, литовцы, высланные в мае 1948 г., провели в ссылке десять лет. Массовое возвращение на родину стало возможным после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 г. и приказа МВД СССР № 0180, в соответствии с которыми данная категория спецпоселенцев окончательно ликвидировалась.

Хотя личные дела на литовцев не отложились в архиве МВД Республики Бурятия, В.И. Башкуеву оказались доступны наблюдательные дела, которые содержат богатый материал о системе негласного наблюдения за спецконтингентом. Эти источники позволили осветить формирование и деятельность разветвленной агентурной сети, сделать важный вывод о том, что агентура, в том числе набранная и из литовцев, была крайне неактивна и малоэффективна. Существующая система гласного надзора была традиционной, но также скорее формальной и к тому же малочисленной. Справки об агентурно-осведомительной работе среди спецпереселенцев, отчеты ОСП, которые содержали специальный раздел по «борьбе с побегами и дезертирством» и «антисоветским проявлениям и настроениям», а также самостоятельный комплекс дел по борьбе с антисоветскими проявлениями на спецпоселении дают наглядное представление о массовых антисоветских настроениях среди литовского населения. Литовцы наряду с «оуновцами» оставались самыми нелояльными советской власти среди всех послевоенных контингентов. Рассматривая антисоветские проявления и как факт сопротивления, и как базовый элемент атмосферы спецпоселения и субкультуры

литовских ссыльных, автор детально останавливается на их анализе, показывая, что антисоветскими проявлениями органы госбезопасности считали в первую очередь критику советского строя, отказ от участия в пропагандистских и мобилизационных мероприятиях, бойкотирование выборов в Верховный Совет СССР, проамериканские высказывания и религиозную деятельность. Трудности жизни на поселении, приверженность западным ценностям, национальная идентичность и плохое знание русского языка существенно затрудняли интеграцию литовцев в советское общество, что проявлялось не только в условиях ссылки, но и по

возвращении из нее. Автор монографии наглядно показывает, что, несмотря на культурные отличия, неприятие депортированным населением советской действительности и идеологии, отчуждения между прибывшим населением и принимающим сообществом не было. Снятие ограничений в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. по проживанию в Литве ранее выселенным за ее пределы привело к массовому возвращению литовцев на родину, однако часть из них по разным причинам так и осталась в Бурятии. Для многих республика из тюрьмы стала домом, депортация невольно объединила судьбы многих людей.